

Здравствуйте, Виктор Васильевич.

Спасибо за регулярные присылки вашего журнала. Особенно за последний Шукинский номер, который продолжаю читать до сих пор. Заметил, что вы все расширяете наш авторский профиль именами поэтов, особенно приятно видеть на страницах журнала авторов антологии «Нашего времени», выход которой нас, в свое время, и познакомил. Почитайте мои новые стихи.

Терпения и душевной силы.

Искренне ваш Б. Лукин.

ЛЕТОСОВЕРШЕНИЕ

МЕЖА

Грачи, смотри, зачем-то прилетели
в последних числах февраля –
на Масленицу, что ли, в самом деле,
они спешили? Снежные поля
еще вокруг. На долгие недели
река, набухнув, бросит враз петлять.
В ней облака и льдины захотели
бодать друг друга – глупые тела...

Мне видится и слышится равнина,
сбегающая споро под угор.
Капель, журчанье, пенье – заедино
всё длят и длят с зимой извечный спор.

В том гомоне своё досталось место
и мне – молчанья паузу держу,
без человека здесь куда как тесно.
Меж мной и миром чувствую между.

Она весной особенно заметна.
Её потом затянет зеленыя
сплошной завесой и туманом тлена,
и день не различить тогда от дня.

Зачем межа всем этим тварям Божьим?
Для них ли время выдумал творец?
Я безвременья выбрал бы возможность,
где облака, и льдины, и скворец...

ВОПЛОЩЕНИЕ

Без снега, скажут, что за Рождество?
И правда... Все века (по-русски – Вечность)
младенчества и снега тождество...
Ударный слог смещён, моя небрежность.

В тех створах вижу восход небес – водой...
И роженица чаёт миг свой млечный.
Нам, человекам, без любви – вредно
жизнь начинать. Будь счастлив, человек!

Я так же был желаем! Вам – поклон!
И мы с тобой мечтаем лишь о том
двоих счастливом воплощенье нашем.

Их – Троица! Нас – двое! Полон мир.
Он весь раскрыт обнявшимся, двоим!
А снег – вода. Он сам мечтал о пашне!

* * *

Ты говоришь, что снег – пушок...
Я говорю: «На мой грешок...», –
мой грех, что в миг тот помню.
Ну, а когда метель ревёт?
Когда к сугробам ветер гнёт?
– К колоколам! И в звоны!

Поразогнать всех прежних лет
тягучую, дурную мреть
и целиной морозной
брести шаг в шаг в монастыре
с душою, что еще во тьме,
к молитве долгой слёзной...

До этого ещё расти.
Здесь возраст жизни не в чести.
Другие здесь критерии.
И потому живём в миру,
укрывшись почти в дыру,
во деревеньку древнюю.

Здесь жили предки лет пятьсот.
Здесь вызывает всё восторг,
когда навоз отчистишь.
Вон храм вознёсся высоко.
Вон лес уводит далеко.
И эху рад, коль свистнешь!
И пусть весной зовёт земля,
и топчешь пахотой поля
не для прокорма даже!
Вот под смородину прикорм.
Вот для теплицы тачек сто.
Мужик... а труд сей тяжек.

Что там поэт благословил?
Вот этот труд? И тишь могил?
Здесь это всё осталось!

А жизнь почти ушла отсель.
Уходит жизнь... над ней – метель...
И год от году мало
снежка, который, как пушок,
пойдет... И вспомним свой грешок:
и ты, и я, и малый...

* * *

С первым облачком попутным
письмецо мне напиши,
для тебя совсем не трудно:
вдох и выдох – для души.
Взмах пера – наверно, помнишь,
на земле почти что так...
Ангел пёрышко уронит,
и рождается строка
и бежит, как тень по полю
от небесного письма.
Поле – то с тобой пололи.
А теперь одна внимай.
С тех лужков детишек крики
и собачий дружный лай.
С той реки земные лики
улетали к облакам.
Мир вокруг стремился к выси.
Мы вращали в землю вкрепь.
А теперь ты легче мысли
И прозрачнее небес –
окрест.

Милая, когда друг другу снимся –
где бываем мы? В каких мирах?
Где вдвоем пытаемся укрыться
мы от тел, притихших до утра?
На постелях?
Может быть, в сердцах?

В звёздах ли –
что миг сверкают в небе
промельком?
Узнать в толпе лица
невозможно...
Помним, как о хлебе,
о телах у жизни на кострах.
В вечности пока незванны гости...
Потому нам вновь домой пора.
Не в обнимку же снесут к погосту.
Да и есть запросит детвора...

Мы вернёмся через то окошко,
что влюблённо пялится в рассвет:
ты вздохнёшь глубоко в теле брошенном,
я откликнусь эхом сладким вслед.
И прижмутся – руки перевившие –
странники ночные во страстях,
видно, здесь они пока не лишние:
тела два – души две: не разнять ...
Рассмеемся, если вспомнить выдастся
про такие странные два сна,
где при жизни души наши видятся...
днесь и дольше б
не расстаться нам.

У фонаря, как мошкара,
снегов роит испарина,
и ночи висится гора –
на миг всего подарена –
капелью, сбросившейся с крыш,
до самых дрызг, до вмятин
в снегах, до чёрных рытвин шин,
до звёздных в лужах пятен.

А ты одна за сотни верст!
Но что сегодня дали те?
Я телеграфом в тело врос
твоё – всё-сонно-тайное...
А если там меня найти
тебе судьба не выпадет,
ищи меня тогда в груди –
там стуком сердце выманит!
Иль рассмотри меня в ночи
у фонаря в испарине,
в капели голос различи –
один я в той компании.

Мильоны звуков в небесах
весной творятся каждою,
я тыщу лет пою и сам,
томим любовной жаждою.
Луны глава у фонаря
от первых дней творения,
и в звёздный вклиниваю ряд
стихо-семя-творение...

* * *

Я тебя позабуду?
Только когда умру...
Нечем тогда будет
нежно припасть к нутру.
Выйдет, как за ворота
с собакою погулять,
тело моё до срока,
а может, больше спыля.
И что это за погода,
чтоб выдалася напасть
какого-то там года
ко лбу моему припасть.
А тут пора отрицанью
себя самого почтить
и выболтать миру тайну,
известную всем почти:
что бабочки не бывает
без куколки и цветка,
и если родился Каин,
то с Авелем на века.
То глупая была шутка...
Забыть можно лишь себя!
Тут столько секунд в сутках...
Одну не прожить без тебя!

Потому что скворцы прилетели,
умирать можно нам погодить...
Воскресенье – на этой неделе.
День за днем... всё весну оно длит.
Пусть сегодня свободой Пальмиры
он отмечен иль смертью посла...
Есть на полке от древнего Рима
сто историй про то ж... и... осла,
про козлищ... а ещё – про Явление:
где-то там, у пустынь на краю,
вечно длится одно Воскресенье.
Плачут там... и зовут... и поют...